

фазиль искандер

ЛЕТНИЙ ЛЕС

*Здравствуй, крона вековая до небес!
Здравствуй, временем непролитая чаша!
Летний лес, птичий лес, вечный лес —
Это молодость моя или наша?*

*Начинаются и шорох и возня
Где-то в сумраке зеленом, в тайных гнездах.
Словно капли дождевые щебетня
Сквозь мерцающий, пульсирующий воздух.*

*Переplex, перестук, перелив...
Я мелодию угадываю все же:
— Рад, что жив! Рад, что жив! Рад, что жив!
— И я тоже! И я тоже! И я тоже!*

*Дикий голубь, зимородок, соловей...
Я прошу тебя, лесное бездорожье,
Ты печаль мою трамвайную развей!
Все мы были и юнее и моложе.*

*Переplex, перестук, перелив.
Голос птицы родниковый и глубокий:
— Рад, что жив! Рад, что жив! Рад, что жив! —
Брызжет с веток и охлестывает щеки.*

*Это песня широты и доброты.
Небо есть. Солнце есть. Так чего же?
— Ну, а ты? Ну, а ты? Ну, а ты?
— Я не знаю... Ну, конечно... И я тоже.*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • МОСКВА 1969

фазиль искандер

ЛЕТНИЙ ЛЕС

ДЕТИ ЧЕРНОМОРЬЯ

Эй, барабанщики-банщики! Эй, трубачи-трубочисты!
Сказочники, обманщики, фокусники, артисты,
Старатели, кладоискатели, суровые землепроходцы,
Любители лимонада, сами себе полководцы!
Тычьтесь, пока не поздно, мордами в мякоть арбуза!
Позванивают и побулькивают ваши веселые пуза.

Вам ли товарищ, скажите, вам ли, скажите — кореш
Гадкий утенок зализанный, комнатный этот заморыш?
Воздух морей — полезней! Воздух лесов — полезней!
Дерево — доктор, а листик — лучший рецепт от болезней.
Карабкайтесь в горы, ребята! Хватайте струю водопада,
Шатающуюся у ног,
Как всаженный в землю клинок!

(Ветер пузырит рубаху.
Солнце стоит в зените.
По-лягушачьи с размаху
В пену морскую летите!)

Где-то заливы и заводи, где-то Стамбул и Афины.
Морем до самого полюса фыркающие дельфины!

В сторону, в сторону шуточки! Этот рыбак знаменитый
Ловит антенною удочки подводную песню ставриды.

Кработорговцы, нырятьщики, донных ракушек владельцы,
Храбрые красногвардейцы, таинственные индейцы,
Грядущие космонавты, солнцем дубленные шкуры,
Будьте здоровы, дети! Славлю вас, бедокуры!

ЗМЕЙ

Дымился клей в консервной банке.
С утра, как братья Райт, в чаду
Смолистые строгаем дранки,
Рисуем красную звезду.

И вот, потрескивая сухо,
Сперва влачится тяжело,
Но, ветер подобрал под брюхо,
Взмывает весело и зло.

Он рвется, рвется все свирепей!
Потом мелькает вдалеке,
Как рыба, пойманная в небе,
Зигзагами на поводке,

До самой, самой верхней сини,
Последний размотав моток...
Под ним ленивые разини,
Под ним приморский городок.

А он с размаху бьет по снасти,
Дрожит пружинистая нить!

И полноту такого счастья
Не может небо повторить.

Звезда горящая, флажочек,
Я помню тайную мечту:
Когда-нибудь веселый летчик
Подхватит змея на лету.

Но летчики летели мимо,
Срывались змеи со шнуров...
Назад! Назад! Неудержимо!
А где-то Чкалов и Серов.

Змей улетал из захолустья,
Как чудо, отданное всем.
Глядели с гордостью и грустью
И понимали — насовсем.

В заботах о делах, о хлебе
С годами страшно тяжелеть.
А у детей все змеи в небе,
И детям нечего жалеть.

Что надо нам? Какой-то факел,
Зовущий вечной новизной,
Пусть рукотворный, все же ангел
Летит на привязи земной.

БАЛЛАДА ОБ УКРАДЕННОМ КОЗЛЕ

Пока не напьются мои быки (одры! в заготовку пора!),
Мы будем курить и чесать языки, пока не спадет жара,
Мы будем курить табак городской, которому нет цены...
Так вот что случилось над этой рекой за год до германской
войны.

То было лет пятьдесят назад, но я говорю всегда:
— Да здравствует крупный рогатый скот, а мелкий скот —
никогда! —

Вот так же слева шумел Кодор, но я еще был юнцом,
Вот так же мы в горы стадо вели (мир праху его!) с отцом.
За веткой черники (эх, губошлеп!) я приотстал слегка.
Но вот вылезая я на тропу и вижу издалека:
Чужой человек волочит козла... из нашего стада козел.
Я сразу узнал козла своего, узнал и того, кто вел.

Когда-то он в доме гостил у нас. Видать по всему — абрек.
Не то из Мингрелии беглый лаз, не то цебельдинский грек.
Но мы не спросили тогда у него: кто он? куда? зачем?
Право гостей говорить и молчать не нарушалось никем.

— Стой,— говорю и навстречу ему,— это наш,— говорю,—
козел.
Ты помнишь, когда-то гостил у нас, ты с нами сидел за
стол.

Но мы не спросили тогда у тебя: кто ты? куда? зачем?
Право гостей говорить и молчать не нарушалось никем.

Но он усмехнулся в ответ и сказал, тряхнув на плече ружье:
— Право мое за правым плечом, и то, что я взял, мое.
Мало ли где я гулял и пил, и съеденный хлеб не клеймо.
А то, что я съел у отца твоего, давно превратилось в дерьмо.

Как пес на поминках, блевотой давясь, я вылакал этот стыд.
Что делать! Когда говорит ружье, палка в руке молчит.
Но все же я снова напомнил ему:— Ты с нами садился за
стол.

И мы не спросили тогда у тебя, куда и зачем ты шел.

Но он толкнул меня и сказал: —С дороги, иначе конец!
Недосчитает не только козла к вечеру твой отец.—
Потом он ударил козла ремешком и начал спускаться в падь.
Что делать! Когда говорит ружье, палка должна молчать.

Но он не знал, что навстречу ему товарищ идет с ружьем.
«Ну что ж,— я подумал,— спускайся вниз, а мы наверху
подождем».

Пожалуй, он слишком много сказал про стадо и про отца,
Но раз он такое все же сказал, я дело довел до конца.

И вот, когда он спустился вниз (внизу шумела река),
Навстречу товарищ спускался с горы, я видел издалека.
Я все что надо ему прокричал, я был опозорен и зол,
И голос мой, скрытый шумом реки, над вором как ворон
прошел.

Короче, когда я спустился вниз, все было готово там.
Стоял он, словно в петле повис, и руки держал по швам.
А рядом товарищ сидел с ружьем, в тени постелил башлык.
У ног — чужой винтовки затвор, как вырванный прочь язык.

Я бросил палку. Винтовку взял, на место вложил затвор.
— Теперь,— говорю я,— тебе молчать, а мне вести
разговор.—

Я снял ремешок с моего козла и бросил ему:— Держи!
И если черта скрадешь в аду, своим ремешком вяжи.
Так значит, съеденный хлеб не клеймо и право за тем, кто
сильней?

Право твое за правым плечом, я буду стрелять левой!

Ослепнув от страха, попятился он к обрыву за шагом шаг.
Туда, где, даваясь камнями, поток скатывался во мрак.
Я мог бы и выстрела не давать, единственного того,
Но я перед богом хитрить не хотел, я выстрелом сбросил
его.

С тех пор немало воды утекло, окрашенной кровью воды,
Я знаю меру своей вины и меру своей правоты.
В меня стреляли, и я стрелял и знал предательский нож,
И смутное время меньшевиков, и малярийную дрожь.
В меня стреляли, и я понимал, что это вернется опять,
Что будут стреляющих из-за угла из-за угла убивать.

Конечно, что такое козел? Чесотка да пара рогов.
Но честь очага дороже зрачка — наш древний обычай таков.
И если ты вор, живи как вор, гони табуны коней,
Но в доме, который тебя приютил, иголку тронуть не смей;

С тех пор немало воды утекло, взошло и ушло травы.
Что ж, родины честь и честь очага не так понимаете вы.

У каждого времени есть свое, которое будет смешным,
Но то, что завтра будет смешным, сегодня не видят таким.
Мы гнали водку из диких груш, вы — свет из дикой воды,
Но и тогда не пили из луж идущие вдоль борозды.

Два главных корня в каждой душе — извечные Страх и Стыд.
И каждый Страх, побеждающий Стыд, людей, как свиней,
скопит.

Два главных корня в каждой душе среди неглавных корней,
И каждый, Стыдом побеждающий Страх, хранит молоко
матерей.

Что ж, древний обычай себя изжил, но тот ли будет рабом,
В котором сначала кровь из жил, а доблесть уходит потом?!
Пусть родины честь и честь очага не так понимаете вы,
Но если сумеете вечно хранить, вы будете вечно правы.
Но правом своим и делом своим вам незачем нас корить —
Мы садим табак, мы сушим табак, так что ж нам не закурить.

БАЛЛАДА ОБ ОХОТЕ И ЗИМНЕМ ВИНОГРАДЕ

Памяти Роуфа

Как ты рванулся, брат мой,
Вслед за бегущей косулей!
Как ты рванулся, брат мой,
Пулей рванулся за пулей!

Как ты стрелял с разбегу,
Вниз пробегая по склону,
Черный по белому снегу
Вниз пробегая по склону.

Грянула третья пуля,
Грянула, чтобы настигнуть!
Перевернулась косуля,
Хотела судьбу перепрыгнуть.

Вихрями крови и снега
Кончилась, затихая,
Словно упала с неба
Летчица молодая.

Ты горло лебяжье надрезал,
Чтобы не думать об этом.
И обагрилось железо
Струйкой горячей, как лето,

И вдруг: виноградные гроздья,
Лоза на ветке ореха.
Ледяные, черные гроздья
Сверкнули тебе из-под снега.

Чудесная неразбериха!
Ты дерево взглядом окинул.
И ты засмеялся тихо
И снова винтовку вскинул.

И выстрел ударил над лесом,
И эхо метнулось следом.
Ты гроздья лиловые срезал,
Как пару дроздов дуплетом.

На шее тяжесть косули.
Снега разрывая, как пахарь,
Ты шел, а губы тянули
Ягод холодный сахар.

И капали капли со шкурки
Тобою убитой косули,
А виноградные шкурки
Ложились, как черные пули.

Мы знали в погоне надсадной
Тяжелое пламя азарта,
Но разве мы знали, брат мой,
Какая нам выпадет карта?

И разве я знал, что за год
Губы навек остудишь,

Как шкурки проглоченных ягод,
Выплевывать легкие будешь?

И разве я знал, что в гости
Больше к тебе не приду я?
И только незинные гроздья,
Брат мой, цветут, бушуя,

Над котловиной Сабида,
На белых камнях Напскала,
Где ничего не забыто
И ничего не пропало.

Ломоть поминального хлеба,
Поминальной струи услада.
Бесконечное зимнее небо.
Ледяная гроздь винограда.

ЧЕРТ И ПАСТУХ

Абхазская сказка

С чертом встретился Джансух.

— Здравствуй, черт!

— Привет, пастух!

Подожди. Какая спешка?

Скучно черту без людей.

Черта старого потешь-ка.

Нет ли свежих новостей?

Говорит ему Джансух:

— Что я знаю? Я пастух.

Вот у нас на перевале

Семь пастушеских собак

Комара в лесу задрали...

— Комара в лесу задрали

Семь пастушеских собак? —

Растерялся черт:— Едва ли...

Ну, а что? Хотя бы так.

Значит, псы твои что блохи,

Тоже удивил, пастух...

— Нет,— в ответ ему Джансух.—

Наши псы совсем не плохи.

Сам подумай, если в лето
Трем свирепейшим орлам,
Что на крыше у соседа
Отдыхали по утрам,
Посворачивали шеи
Семь пастушеских собак...

— Посворачивали шеи?
Может быть, оно и так,
Да, видать, орлы малы,
Тоже — соколы-орлы!

Но пастух кричит: — Потише!
Эти самые орлы,
Расправляя крылья с крыши,
Доставали до земли.

Снова черт его прижал:
— Значит, дом соседский мал!

— Нет,— кричит пастух, за братью
Спорить до крови готов,—
Этот дом вмещает с кладью
Семьдесят и семь ослов.

Черт опять ему:— Э, малый,
Нет в сомнении хулы.
Тот большой, а этот малый,
В мире всякие ослы.

— Да у нас они большие,
Холены без хворостин,

Ведь чинары вековые
Объедают до вершин.

— Стало быть, хоть случай редок,
Те чинары с ноготок...

— Так ведь брат до нижних веток
Дотянуть рукой не мог.

— Значит, брат твой коротыш!

— Не поймашь, черт. Шалишь!

— Почему? —

Пастух смеется:

— Отвечаешь невпопад.

До воды на дне колодца

Достает ладонью брат.

— Стало быть, колодец мелок —
Водопой для птиц и белок.

— Нет! — Пастух опять хохочет: —

Как же мелок, говоришь,—

В воду шлепается к ночи

Утром брошенный голыш.

— В воду шлепается к ночи

Утром брошенный голыш?

Значит, день всех дней короче

Был в тот день...

— Опять дуришь!

Значит, день всех дней короче?

— Не было короче дня!

— Значит, день с утра до ночи

Был в тот день всех дней короче?

— Не запутаешь меня!

— В этот день корова дяди,
Погулявшая с быком,
Возвратилась на закате
С рыжим маленьким телком.

— Как? В тот день корова дяди,
Погулявшая с быком,
Возвратилась на закате
С рыжим маленьким телком?
Это что за чертовщина?
Одолеет меня пастух!
— Что ж, зови на помощь сына,—
Говорит ему Джансук.

Но, мгновение помешкав,
Понял черт: к стене приперт.
Голова, как головешка,
Задымилась... Сгинул черт!

УТРО В ДУБНЕ

Шуршанье мокрое гудрона,
По свежей улице с утра
Летят кормильцы циклотрона,
Алхимики и мастера.

Попыхивая сигаретой,
Выносятся из полутьмы.
Но почему ж велосипеды,
Тончайшей техники умы?

Рациональная спортивность?
Или приятна просто вам
Той ранней техники наивность,
Как лепет женщин мудрецам?

На внутриатомном распаде —
Профессии тревожный свет.
На внутримышечном заряде
Работает велосипед.

И шпарят физики с уклонов,
Догадкой озаряя взгляд,

Как будто сотни почтальонов
К нам из грядущего летят.

Деревни, города, предместья,
Предвестья будущих времен,
Еще неслыханною вестью
Нас ошарашит почтальон.

ОКТАБРЬ

Смеясь от злости и от стужи,
На красный митинг, на пожар,
Бежит, разбрызгивая лужи,
Двадцатилетний комиссар.

Он вскакивает в паровозы,
Он кочегаров горячит,
Стремясь перекричать колеса,
Он сам хохочет и кричит.

Он и планету раскачает,
Всех революций побратим.
Россия думать начинает,
А Ленин жив и невредим.

Он сам летит в летящем жесте
Над гранью потрясенных дней.
Он с классом говорит на месте,
Где после будет мавзолей.

Не знает он и знать не хочет,
Что смертен и бессмертен он.

Веселой капелькой клокочет,
Он, как Россия, возбужден.

Кого там истины венчают?
Куда летит клокастый дым?
Россия думать начинает,
И сей процесс необратим!

О МАТЕРИ

Бессонной ночи темная громада.
То вздрогну, то прислушаюсь опять,
Когда услышу, как за дверью рядом,
Не просыпаясь, вдруг застонет мать.

Тревожный стон доносится до слуха,
Как грозный отзвук прожитого дня,
Как будто сердце жалуется глухо
На одиночество, на холод, на меня.

Не знаю я, какую боль скрывает.
Обида ли? А может быть, верней,
Перед закрытыми глазами проплывают
Забывшие ошибки сыновей.

Как будто жизнь налажена посылно,
Но многих, многих ей недосчитать.
Страдания немые кинофильмы
Во сне упорно догоняют мать.

Какая все-таки невысказанная сила
Ее глаза уберегла от лжи,

Какую тяжесть время провозило
Через гудящий мост ее души.

Гражданские и мировые войны.
Немало было и иных потерь.
Они ушли, строители и воины,
Портреты грустно улыбаются теперь.

Охотники, табаководы, братья,
Большой семьи веселая братва.
От боли к боли — траурное платье.
Над ним, над черным, побелела голова.

Она об этой боли не кричала.
С достоинством несла ее печать,
Но если смерть — забвения начало,
То дело смерти побеждала мать.

В БОЛЬНИЦЕ

Памяти Д. К.

Послушайте, не говорите: «Бред!»
Еще не поздно позвонить ОРУДУ.
Водитель гонит на зеленый свет,
И красное разбрызгано повсюду.

Нет, не нарочно гонит. Не назло!
Он заболел, он должен быть уволен!
Меня догадкой сразу обожгло,
Я только посмотрел и вижу: болен.

Но у него отличнейший бензин.
Да и в запасе целая канистра.
Он выжимает километров триста!
Мне страшно за доверчивых разины!

Остановить и отобрать права!
Дальтоник он! Он не имеет права!
Вас минуло, так не расти трава?!
Очередная сплетня и забава?!

Там, где цвета не могут различать,
Запомните, не будет исключенья,

А крови цвет имеет ли значенье,
Там, где цвета не могут различать?

Ведь не годится для таких затей,
Он, человек, устроен слишком хрупко.
По городу грохочет мясорубка...
Но главное — предупредить детей.

Остановить! Дать знать издалека!
Иначе, дурень, врежется с разбега!
Нет, нет! Не бить! Не подымается рука,
Жестоко бить больного человека.

Ну хорошо. Не[?] сталкивались мы.
Я буду здесь стоять, как столб дорожный.
По крайней мере, будьте осторожны,
Сограждане, особенно с детьми...

Но что это? Рассвет? Зеленый свет...
Сестра, простите, я сорвал повязку.
Я болен, доктор? Лихорадка? Бред?
Простите, доктор, это неувязка...

Но главное — предупредить детей.

НОЧНОЙ БЕРЕГ

Ночь висит над чернеющим взгорьем,
Спит причал и на рейде баркас,
Только шарит прожектор над морем —
Циклопической мудрости глаз.

Он скользнул по рыбацким халупам,
Он обшарил баркас и причал,
Он поднялся по скальным уступам,
Опустился и пляж прочесал.

Двух влюбленных сживая со света,
Разрывая спасительный мрак,
Оглушил водопадами света
И с минуту смотрел как дурак.

Но, внезапно меня обнаружив,
Одинокого, на берегу,
Электрический глаз поднатужив,
Ждал, быть может, что я побегу.

«Что ж, начни! Хоть до боли, до рези
Озари, как бывало не раз,

Но, поймав мою душу в разрезе
Побелевших, несломленных глаз,

Как поймешь мои беды дневные? —
Я спрошу у ночного огня.—
Как поймешь мои мысли ночные
Ты, что вырвал из ночи меня?»

...От незаданных мною вопросов
Он угрюмо уносится в темь,
За мою спину отбросив
Подозрительно длинную тень.

ДВА ЗНАКА

И землю, и небо, и воды
Единый закон заковал.
Две линии есть у природы,
Два знака: зигзаг и овал.

Не выдумка это, поверьте!
Они существуют века,
Два полюса жизни и смерти,
Две линии, два врага.

Вы пьете свой чай или кофе,
Вы тянете с другом винцо,
Но где-то удар катастрофы —
И угол ломает кольцо!

Художник, не эти же клинья
Тебя стерегут на углах?
Зигзагом изломанных линий
В полотнах шевелится страх.

А если взглядеться по сути —
Причастные жизни черты

Округлы, как женские груди,
Как розы, как детские рты.

Округлы плывущие тучи,
Дождинки на мутном стекле,
Плоды над землею могучей
И клубни, что зреют в земле.

Праматерь-земля, наши лица
Отмечены общей судьбой,
Живое повсюду стремится
К посильному сходству с тобой.

Мы ягоды терпкие давим
Средь прочих трудов и утех,
Румяное яблоко славим
И круглый, как яблоко, смех.

ПИРОСМАН

Ты Грузию на Грузии писал.
С ухваткой озорного мальчугана
Из рога кахетинское плескал
На стены добрые дорожного духана.

Ты Грузию на Грузии писал,
Ладонями придавливая грозди
К широкой скатерти.
Хмелеющие гости
Кивком начать просили запевал.

Топтались буйволы в лугах, сгибая выи,
Рогами солнце подымая на заре.
Сияли краски добрые, большие,
Огромные, как буквы в букваре.

Наивно, угловато, наугад,
Вне времени, а может, вне закона
Ложится кисть?
Но яростен гранат,
Как будто катится кровавая корона!

Как жарко пахнут шашлыки. Как вкусно
Веселой краской стены малявать!
Но молодость прошла. И вроде грустно.
И дождь идет. И негде ночевать.

Кто замысел судьбы перелицует?
Эх, Пиросман! Тебе ли до наград?
Художник камни родины целует,
Что ж камни родины в художника летят?!

Так вот она, заветная картина!
В нее тифлисский дворник перелез.
Вот облик вдохновенного кретина,
Доносчика с метлой наперевес.

Тарацит уши бдительные страж,
Твои шаги слышав за стеною,
Старательно слюнявит карандаш,
Как будто пишет собственной слюною.

О чем, скажи, корпит он в полумгле,
Что означают слов тупых огрызки?
Что на такой-то точке, на земле
Художник проживает без прописки?!

Так что тебе осенний нудный дождик?
Что чечевичная похлебка? Что ночлег?
Окраины поют. Вставай, художник,
Проклятьем заклеянный человек!

ОДА АПЕЛЬСИНУ

О, апельсин, моя отрада,
Мы в южном все-таки родстве,
Ты — как внезапная Гренада
В январской ледяной Москве.

В нас оживают сластолюбы
При виде долек золотых
Преувеличенных, как губы
У современниц молодых.

Вокруг оранжевого шара
Движенья стужи и жары,
Но проспиртована не даром
Ткань его плотной кожуры.

Еще отравленные тучи
Дождят с отравленных небес,
Но сладок дух его могучий,
Он в панцирь золотистый влез.

Так мы храним от жизни хмурой
Надежды сладостный мотив,

Своею собственной шкурой
Всю горечь быта процедив.

И мир становится огромней,
Когда великолепный плод
С лотка морозного в лицо мне
Испанской кровью полыхнет!

УПРЯЖКА

Что за выдумка, однако?
Среди зимних сосен рыжих
Впереди бежит собака,
Сзади — девушка на лыжах.

Легкой палкою махая,
Поводок в руке — внатяжку,
Мчится девушка лихая,
Рвется храбрая упряжка.

В снежном вихре, в клубах дыма
Налетели, пролетели.
Польхнул румянец мимо,
Мимо лыжи прошумели.

Здравствуй, творческая тяга,
Жизни древняя приманка,
Ты, лохматая собака,
Ты, лохматая беглянка.

Только пар качнулся зыбко
Над лыжной едва протертой.

Мне запомнилась улыбка
На большой собачьей морде.

Затихает в дальней чаще
Серебристое виденье.
Ну, а что такое счастье —
Чудо, молодость, везенье?

Может, зимняя дорога,
Да веселая отвага,
Да фантазии немного,
Да хорошая собака.

ДЕТСТВО

Какая это благодать!
Я вспоминаю, ночью летней
Так сладко было засыпать
Под говор в комнате соседней.

Там люди с нашего двора,
У каждого свой странный гонор.
Мир, непонятный мне с утра,
Сливается в понятный говор.

Днем распадется этот круг
На окрики и дребезжанье.
Но сладок ночью слитный звук,
Его струенье и журчанье.

То звякнут ложкой о стекло,
То хрустнут кожурой ореха...
И вновь обдаст меня тепло
Уюта, слаженности, смеха.

И от затылка до подошв,
Сквозь страхи детского закута,

Меня пронизывает дрожь,
Разумной слаженности чудо.

Я помню: надо не болеть
И отмечать свой рост украдкой,
И то, что долго мне взрослеть,
И то, что долго — тоже сладко.

Я постигаю с детских лет
Доверчивости обаянье,
Неведенья огромный свет,
Раскованность непониманья.

Да и теперь внезапно, вдруг
Я вздрогну от улыбки милой.
Но где защитный этот круг
Превосходящей взрослой силы?

Бесплодный, беспощадный свет
И перечень ошибок поздних...
Вот почему на свете нет
Детей, растерянее взрослых.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЬНОМ УРОКЕ

Я спросил у учителя робко:
— Что такое черепная коробка?
— Черепная?! — воскликнул учитель
И одернул мучительно китель.—
Что за странный вопрос? Черепная...

Это в общем коробка такая,
Где хранится наш разум и опыт,
Что веками учения добыт.
Потому в историческом плане
Мы рассмотрим вопрос...

Перед нами
Среднерусская наша равнина,
А на ней Святослав и дружина.
Что мы видим? Картина знакома.
Пир горою. Все пьют из шелома.
Но, обычай народный поправ,
Пьет из черепа князь Святослав.

И, конечно, он в этом неправ,
Ибо череп — священный сосуд,
Из которого, к счастью, не пьют.

Так вино и отрыв от дружины
Разлагали устои общины.
Вывод, думаю, всем будет ясен:
Алкоголь для здоровья опасен.

Вновь спросил я смущенно и робко:
— Что такое черепная коробка?

— О, тупица! — воскликнул учитель,
Раскрывая зловеще журнал,—
Назови мне такую обитель,
Где бы твой педагог не стонал.
Вот указка. Вот карта. К доске!

...Я проснулся в ужасной тоске.

НОЧНЫЕ КУРИЛЬЩИКИ

Мужчины курят по ночам,
Когда бессонницу почуют.
Не надо доверять врачам,
Они совсем не то врачуют.

Ночных раздумий трибунал,
Глухие, ножевые стычки...
Когда бессилён люминал,
Рукой нашаривают спички.

Огонь проламывает ночь,
Он озарил глаза и скулы,
Он хочет чем-нибудь помочь,
Пещерный, маленький, сутулый.

По затемненным городам
Идет незримая работа,
Мужчины курят по ночам,
Они обдумывают что-то.

Вот низко прошуршит авто,
Вот захлебнется чей-то кашель...

Но все не так и все не то,
И слышно, как скребется шашель.

Трещит, разматываясь, нить:
Удачи, неудачи, числа...
Как жизни смысл соединить
С безумьем будничного смысла?

Спит город, улица и дом.
Но рядом прожитое плещет.
Как птица над пустым гнездом,
Над ним душа его трепещет.

Он думает: «Мы днем не те,
Днем между нами кто-то третий,
Но по ночам, но в темноте
Тебя я вижу, как при свете».

...Две тени озарит рассвет,
Они сольются на мгновенье,
Она в него войдет как свет
Или уйдет как сновиденье.

ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Огонь, вода и медные трубы —
Три символа старых романтики грубой.
И, грозными латами латки прикрыв,
Наш юный прапрадед летел на призыв.
Бывало, вылезал сухим из воды
И ряску, чихая, сдирал с бороды.
Потом, сквозь огонь прогоняя коня,
Он успевал прикурить от огня.
А медные трубы, где водится черт,
Герой проползал, не снимая ботфорт.
Он мельницу в щепки крушил ветровую,
Чтоб гений придумал потом паровую.
И если неточно работала шпага,
Ему говорили:— Не суйся, салага! —
Поступок, бывало, попахивал жестом,
Но нравился мальи́й тогдашним невестам.
Огонь, вода и медные трубы —
Три символа старых романтики грубой.
Сегодня герой на такую задачу
Глядит, как жокей на цыганскую клячу.
Он вырос, конечно, другие успехи
Ему заменяют коня и доспехи.
Он ради какой-то мифической чести
Не станет мечтать о физической мести.

И то, что мрачно решалось клинком,
Довольно удачно решает профком.
Но как же — шептали романтиков губы —
Огонь, вода и медные трубы?
Наивностью предков растроган до слез,
Герой мой с бригадой выходит на плес.
Он воду в железные трубы вгоняет,
Он этой водою огонь заклинает.
Не страшен романтики сумрачный бред
Тому, кто заполнил полсотни анкет.

БИБЛЕЙСКАЯ БАСНЯ

Христос предвидел, что предаст Иуда,
Но почему ж не сотворил он Чуда?
Уча добру, он допустил злодейство,
Чем объяснить печальное бездействие?
Но вот, допустим, сотворил он Чудо.
Донос порвал рыдающий Иуда.
А что же дальше? То-то, что же дальше?
Вот где начало либеральной фальши.
Ведь Чудо — это все-таки мгновенье,
Когда ж божественное схлынет опьяненье,
Он мир пройдет от края и до края,
За непредательство проценты собирая.
Христос предвидел все это заранее
И палачам отдался на закланье.
Он понимал, как затѣен и смутен
Двойник, не совершивший грех Иудин.
И он решил: «Не сотворится Чудо.
Добро — добром. Иудою — Иуда».
Вот почему он допустил злодейство,
Он так хотел спасти от фарисейства
Наш мир, еще доверчивый и юный...

Но Рим уже сколачивал трибуны.

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Крепость древняя у мыса,
Где над пляжем взнесены
Три библейских кипариса
Над обломками стены.

Расчлененная химера
Отработанных времен
Благодушного Гомера
И воинственных племен.

Шли галеры и фелюги,
С гор стекали на конях
В жарких латах, в пыльной вьюге,
В сырмятных кожных.

Греки, римляне и турки,
Генуэзцы, степняки,
Шкуры, бороды и бурки,
Арбы, торбы, бурдюки.

Стенобитные машины
Свирепели, как быки,

И свирепые мужчины
Глаз таращили белки.

Ощетинивали копья,
Волокли среди огня
Идиотское подобье
Дервянного коня.

Очищали, причащали,
Покорив и покарвав,
Тех, кто стены защищали,
В те же стены вмуровав.

И орлы, не колыхаясь,
Крыльев сдерживали взмах,
Равнодушно озираясь,
На кровавых головах.

А внизу воитель гордый
Ставил крепость на ремонт,
Ибо варварские орды
Омрачали горизонт.

Стенобитные машины
Вновь ревели, как быки,
И свирепые мужчины
Глаз таращили белки.

Печенеги, греки, турки,
Скотоложцы, звонари,
Параноики, придурки,
Хамы, кесари, цари:

— Протаранить! Прикарманить!
Чтобы новый Тамерлан
Мог христьян омусульманить,
Охристьянить мусульман.

И опять орлы, жирея,
На вздетых головах
Озирались, бронзовея
В государственных гербах.

Плащ забавения зеленый
Наползающих плющей,
И гнездятся скорпионы
В теплой сырости камней.

РАНЫШЕ

Нам говорят: — Бывало раньше,
Случалось раньше — верь не верь,
Не говорю, что будет дальше,
Но раньше — это не теперь.

Не та весна, не та погодка,
Бывала раньше неспроста
Жирней селедка, крепче водка,
Теперь вода и то не та.

Не так солили и любили...
Попробуй, речи их проверь.
Но ведь и раньше говорили,
Что раньше — лучше, чем теперь.

В увеличительные стекла,
Как детство, старость смотрит вдаль.
Там выглядит царевной Фекла,
Гуляет нараспах февраль.

Там молодость кричала: — Горько! —
А было сладко, говорят,

Недаром старость дальнозорка,
Не отнимай ее услад.

И в этом нет жестокой фальши,
И надо этим дорожить.
Тем и прекрасна рань, что раньше
Жить предстояло, братцы, жить.

ТЕЛЕФОНЫ

Какую тему ни затрону,
А эта на пере висит.
Двадцатый век! По телефону
Весь мир взбесившийся звонит.

Дома звонками оглашают,
Кому-нибудь кричат: «Кончай!»
Звонят, как будто приглашают
На ужин дружеский, на чай.

Все говорят как о визите,
Хоть нежелателен визит:
«Вы обязательно звоните...»
Весь мир с надеждою звонит.

С волос дождинки отряхая,
Девчонка в будочку вбежит,
От любопытства полыхая,
Привстав на цыпочки, трещит.

Но некогда! С гримасой едкой
Командировочный в пылу

Скребется нервною монеткой,
Как бы алмазом, по стеклу.

А тем, что должностью постарше,
Охотно, не сочтя за труд,
Готовый номер секретарши,
Как черный кофе, подают.

Вот коммунальный захлебнется!
Куда-то едут, ждут гостей,
Из города, как из колодца,
Качают воду новостей.

Весь день, весь день из подворотни
Неугомонные щенки!
И вдруг большой, междугородный
Прихлопнет мелкие звонки.

И в одиночку и капеллой
Звонят сто тысяч раз на дню.
Звонят по делу и без дела.
Весь мир звонит, и я звоню.

Взлетают номера по диску:
Нарсуд, милиция, Мосторг.
Однажды позвонишь в химчистку —
И в страхе отшатнешься: морг.

Двадцатый век, какая наглость!
Ты заплатился за игру,

Положенное с глазу на глаз
Передоверивши шнуру.

Но не смущусь догадкой скучной,
Морщину вырезав на лбу,
Что этот ворон равнодушный
Прокаркает мою судьбу.

Нет, телефон нам душу греет,
Надеждой озаряет дом.
Пожизненная лотерея —
Счастливого звонка мы ждем.

ЛИФТЕРША

Мокрый плащ и шапку
На перила сбросил.
— Как делишки, бабка? —
Мимоходом бросил.

Бросил фразу эту
Сдуру, по привычке.
Вынул сигарету,
Позабыл про спички.

Тронула платочек,
Руки уронила:
— Так ведь я ж, сыночек,
Дочку схоронила...

Вот беда какая,
Проживала в Орше,
А теперь одна я...—
Говорит лифтерша.

А в глазах такая,
Богу в назиданье,

Просьба вековая,
Ясность ожиданья —

Нет яснее света,
Зеленее травки...
Так у райсовета
Пенсионной справки

Просят...
Выше! Выше!
Нажимай на кнопку!
Аж до самой крыши
Чертovu коробку...

Никакого счастья
Нет и не бывало,
Если бабка Настя
Этого не знала.

Правды или кривды
Не бывалс горше.
Подымает лифты
Старая лифтерша.

К небесам возносит,
Прямо в кабинеты...
А еще разносит
Письма и пакеты.

БАЛЛАДА ВЫСОТЫ

В необозримой красоте
Кавказ ребрисгый.
Стою один на высоте
Три тыщи триста...

В лицо ударил ветерок,
Так на перроне,
Морозные, коснулись щек
Твои ладони.

Почти из мирозданья в даль
Хочу сигналить:
— Ты соскреби с души печаль,
Как с окон наледь.

Карабкается из лощин
На хвойных лапах
Настоянный на льдах вершин
Долины запах.

Толпятся горы в облаках,
Друг друга грея,

Так дремлют кони на лугах,
На шее — шея.

Так дремлют кони на лугах,
На гриве — грива.
А время движется в горах
Неторопливо.

Прости несвязные слова,
Сердечный приступ.
Слегка кружится голова —
Три тыщи триста...

Вершину трогаю стопой,
А рядом в яме
Клубится воздух голубой,
Как спирта пламя.

Нагромождение времен —
Пласты в разрезе,
Окаменение и сон
Вселенской песни.

Провал в беспамятные дни,
Разрывы, сдвиги,
Не все предвидели они —
Лобастых книги.

Но так неотвратим наш путь
В любовь и в люди,
Всеобщую я должен суть
С любовной сутью

Связать, соединить в горсти,
А там мы сами...
Связать! Но это не свести
Концы с концами.

Связать! Иначе прах и дым,
Без слез, без кляуз,
Так, мавром сказано одним,
Наступит хаос.

Связать! Иначе жизни нет,
Иначе разом
Толчок! И надвое хребет
Хребтом Кавказа.

ТОСКА ПО ДРУЖБЕ

Л. С.

Мне нужен собрат по перу —
Делиться последней закруткой,
И рядом сидеть на пиру,
И чокаться шуткой о шутку.

Душа устает голосить
По дружбе, как небо огромной.
Мне некого в дом пригласить,
И сам я хожу как бездомный.

Тоскуем по дружбе мужской,
Особенно если за тридцать.
С годами тоска обострится,
Но все-таки лучше с тоской.

Надежды единственный свет,
Прекрасное слово: товарищ...
Вдруг теплую руку нашаришь
Во мраке вседневных сует.

Но горько однажды открыть,
Что не во что больше рядиться,

С талантом для дружбы родиться,
Таланта не применить...

Тоскую по дружбе мужской
Тоскою пустынной и желтой...
— Да что в этой дружбе нашел ты?
— Не знаю. Тоскую порой.

* * *

Сирень и молнии. И пригород Москвы —
Вы мне напомнили, а может, и не вы...
Сирень и сполохи, и не видать ни зги,
И быстрые по гравию шаги,
И молодость, и беспризорный куст,
И самый свежий, самый мокрый хруст,
Где кисти, тяжелея от дождя,
Дрожмя дрожали, губы холодя,
Дрожмя дрожали, путались, текли.
И небом фиолетовым вдали
Твой город, забегая за предел,
Библейским небом грозно пламенел
И рушился, как реактивный вал,
И в памяти зияющий провал.
Так значит — всё? Так значит — отрешись?
Но я хочу свою додумать жизнь,
Когда дожить, в бесчувствие не впасть,
Нет признаков, мой друг... Иль я неправ?
Но почему ж так хлещут горячо
Сирень и молнии и что-то там еще,
Похожее на плачущую тень?
Кто ты? Что ты? Я все забыл, сирень...

ФОРЕЛИ

Не то что б вышел провиант,
А так, забавы ради,
Принес форелей лейтенант,
Поймал на водопаде.

К огню присел продрогший гость,
Он молод был и весел,
Одежду мокрую насквозь
Он у огня развесил.

Я в руки взял еще живых,
Хватавших воздух глоткой,
Была приятна тяжесть их,
Как тяжесть самородка.

Я трогал плавники и хвост,
Оглядывал форелей,
Вдоль спин, как отраженье звезд,
Накрапинки горели.

Где тайна этой красоты
Прохладной и лучистой?

Печать среды? Печать воды
Высокогорной, чистой?

Одoleвая непокой
И смутное ненастье,
Форель дрожала под рукой,
Как вероятность счастья.

Удач я в жизни не искал,
Но все-таки, но все же
Такая ночь, такой привал
Иных удач дороже.

Зачем мы ехали? Куда?
Не помню — и не надо.
Но не забуду никогда
Ту ночь у водопада.

Хребта заснеженный гигант
В холодном лунном свете,
Тебя, товарищ лейтенант,
И три форели эти.

МОЛИТВА ЗА ГРЕТХЕН

Двадцатилетней, господи, прости
За жаркое, за страшное свиданье
И, волоса не тронув, отпусти
И слова не промолви в назиданье.

Его внезапно покарай в пути
Железом, серой, огненной картечью,
Но, господи, прошу по-человечьи,
Двадцатилетней, господи, прости.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Знакомцы говорят опять,
Что сам всему виною,
Что должен был я удержать
Любовь любой ценою.

Прижаться в духоте ночей
К плечам, губам, коленям?
Любой ценою? А точнее?
Точней, по сходным ценам!

Теперь вдали — твои дела,
И голос твой все глуше.
Быть может, руку подала
Гадалке-маникюрше...

Набороздят кошачий зуд,
Накрутят на пластинки,
Потом по лавкам разнесут —
Почем любовь на рынке?

Такой, а может быть, иной
Их сочинитель ловкий?

При чем же тут — любой ценой?
Тут просто по дешевке!

От злости рот перекосить?
Иль перенять твой навык?
Как нить шитья перекусить
Все, что связало навек?!

Во всю гражданственную прыть
Предпринимать атаки?
А может, письма сохранить,
Как ценные бумаги?

Любой ценою удержать,
Юлить, трусить рысцою?
Самодовольно утешать
Себя любой ценою?

Товарец хлопнуть по плечу
Или, как с пива пену,
Всю горечь сдуть?
Я не хочу,
Не назначайте цену!

* * *

Однажды девочка одна
Ко мне в окошко заглянула,
Смущением озарена,
Апрельской свежестью плеснула.

И после, через много дней,
Я замечал при каждой встрече,
Как что-то вспыхивало в ней
И что-то расправляло плечи.

И влажному сиянию глаз,
Улыбке быстрой, темной пряди
Я радовался каждый раз,
Как мимолетной благодати.

И вот мы встретились опять,
Она кивнула и погасла,
И стало нестерпимо ясно,
Что больше нечего терять.

* * *

Когда летит на черноморские долины
Усталый запах вызревших плодов,
Тогда кончается сезон перепелиный,
Охотники пускают ястребов.

Что ястребу? Ему бы в небо взвиться,
Но, странную тревогу затая,
По-своему грустит и плачет птица
И не спешит в далекие края.

Бездомный дух, горячая истома,
Дух перелета головы пьянит.
А ловчий ястреб кружится у дома
И даже сесть на руку норовит.

И на него в смятении похожий,
Предчувствием хозяин оглушен:
Ведь, что ни говори, товарищ, все же
Еще один окончился сезон.

Что ястреб мне? Что ястребиный коготь?
Свою беду не выдам никому,
Но та привязанность не может не растрогать,
Хотя она, конечно, ни к чему.

**НОЧНОЙ ПИР НА РАЗВАЛИНАХ
ДИОСКУРИИ**

А. Х.

Обжор и опивал
Достойная работа.
Я тоже обладал
Здоровьем идиота.

Я тоже пировал
При сборище и зелье,
Где каждый убивал
Старинное веселье.

В непрочности всего,
Что прочным предрекалось,
Одно твоё лицо,
Как пламя, подымалось.

Полуночной судьбы
Набросок в лихорадке,
И линия губы
Как бы прикус мулатки.

В непрочности всего,
Несбыточного, что ли...
Вовек одно лицо
Пульсирует от боли.

И потому его
На дьявольскую прочность
В непрочности всего
Пытает червоточность.

И потому у губ
Так скорбны эти складки,
Но потому и люб
Твой пламень без оглядки.

Пусть обескровлен пир
От долгих посиделок
И плотно стынет жир
Предутренних тарелок...

И все-таки, клянусь,
Мы сожалеть не будем,
Что нас подводит вкус
От голода по людям.

Ты слышишь чистый звук,
Над берегом простертый?
Крик петуха, мой друг,
Но этот город мертвый...

Крик петуха, мой друг,
Под млечным коромыслом,
Где тонет всякий звук,
Не дотянув до смысла.

СВИДАНЬЕ

Сквозь сутолоку улицы московской,
Сквозь легкий дождь она ко мне бежала,
От столкновенья робости с отвагой
Порывисто струился каждый шаг.

Струились волосы и платье на груди,
Разбросанно струился легкий плащ,
Разорванно, как финишная лента,
Струился шарф. Она ко мне бежала,

Досадуя на все, что гасит скорость,
Как бы выбрасываясь из одежды,
Ладонями дождейки отстраняя,
Как отстраняют ветки на пути...

Вот так она бежала через площадь,
Закинув голову движеньем олимпийским,
С лицом горящим и надменным от стыда.

Так в древности к возлюбленным бежали
Или, прекрасна в доблести гражданской,

В кварталы Рима римлянка вбегала,
Чтоб городу кричать: «Враг у ворот!»

И стоит ли теперь мне говорить,
Что мы в кино чуть-чуть не опоздали.
Шла итальянская картина в этот день.

* * *

Как странно догадаться вдруг,
Что признаки душевной смуты,
Что все суды и пересуды,
Озноб и праздничный испуг,

Броженье, робость, задыханье
И нежности горячий ком,
Зрачков расширенных сиянье,
Отмеченное божеством,

Что было тайною свободой,
Счастливым перехлестом глаз,
До нас задумано природой,
Но сотворялось через нас.

БАЛЛАДА О БЛАЖЕННОМ ЦВЕТЕНИИ

То было позднею весной, а может, ранним летом.
Я шел со станции одной, дрозды трещали где-то,
И день, процеженный листвою, стоял столбами света.

Цвела земля внутри небес в неповторимой мощи,
Четыре девушки цвели внутри дубовой рощи.

Над ними мяч и восемь рук еще совсем ребячьих,
Тянущихся из-за спины, неловко бьющих мячик.
Тянущихся из-за спины, как бы в мольбе воздетых,
И в воздухе, как на воде, стоял волнистый след их.

Так отстраняются, стыдясь минут неотвратимых,
И снова тянутся, любя, чтоб оттолкнуть любимых.

Так улыбнулись мне они, и я свернул с дороги,
Казалось, за руку ввели в зеленые чертоги,
Чертоги неба и земли, и юные хозяйки...

Мы поиграли с полчаса на той лесной лужайке.
Кружился волейбольный мяч, цвели ромашек стайки,

Четыре девушки цвели, смеялись то и дело,
И среди них была одна — понравиться хотела.

Всей добротой вздетых рук, улыбкою невольной,
Глазами — радостный испуг от смелости крамольной,
Был подбородка полукруг еще настолько школьный...
Всей добротой вздетых рук, улыбкою невольной.

А я ушел своим путем и позабыл об этом.
То было поздней весной, а может, ранним летом.

Однажды ночью я проснусь с тревогою тяжелой,
И станет мало для души таблетки валидола.
Сквозняк оттуда (люк открыт!) зашевелит мой волос,
И я услышу над собой свой юношеский голос:
— Что жизнь хотела от тебя, что ты хотел от жизни?

Пришла любовь, ушла любовь — не много и не мало.
Я только помню — на звонок, сияя, выбегала.
Пришла любовь, ушла любовь — ни писем, ни открыток.
Была оплачена любовь миллионом мелких пыток.

И все, что в жизни мне далось — ни бедной, ни богатой,
Со мной существовало врозь, уничтожалось платой.
И все, что мужеством далось или трудом упорным,
С душой существовало врозь и становилось спорным.

Но был один какой-то миг блаженного цветенья,
Однажды в юности возник, похожий на прозренья.
Он был превыше всех страстей, всех вызубренных истин,
Единственный из всех даров, как небо бескорыстен!

Так вот что надо было мне при жизни и от жизни,
Что жизнь хотела от меня, что я хотел от жизни.

В провале безымянных лет, у времени во мраке
Четыре девушки цветут, как ландыши в овраге.
И если жизнь горчайший вздох, то все же бесконечно
Благодарю за четырех и за тебя, конечно.

ПРИЗНАНИЕ ДРУГА

Я хочу, чтоб утро утром было,
Чтобы в час, когда заря трубила,
Теплую дремоту перевозмочь,
Чтобы ночи темное веселье
Унеслось, не требуя похмелья,
Утру — утро, ночи — ночь.

Чтобы гнать, как гонят отщепенца,
Свежестью воды и полотенца
Цепящей лени паралич.
Окна распахнуть, потом газету,
Хлеб разрезать, вынуть сигарету,
Ясность долгожданную постичь.

Чтобы в утро, в золотую реку,
В день рабочий врезаться с разбегу,
Так необходимо нам, друзья,
Чтобы в чем-то легком и крылатом
Двигалась и говорила рядом
Бодрая, веселая, своя.

Но когда сомнамбула, зевая,
Волочится, шпильки подбирая,

В чем-то демоническом до пят,
Я клянусь бессилию прогресса
И, как древний грек, прошу Зевеса
Громом поразить ее халат!

НОЧНОЙ ЛОВ РЫБЫ У БЕРЕГОВ КАМЧАТКИ

Семеро в шлюпке — один на руле.
Сейнер тонет в молочной мгле.

Ползет и слонится молочный мрак.
Левой табань! Правой наляг!

Левой наляг! За рифом следи!
Туман впереди. Туман позади.

Сопит еще не оформленный мир.
На шум водопада ведет бригадир.

Вот он! Близится, как во сне,
Белый призрак на белой стене.

Прыгай на берег! Разматывай сеть!
Двое на весла — и не шуметь,

Пока прилива большая вода
Толкает рыбу на невода.

Тихо-тихо. Охотничий страх.
Первая рыба всплеснула в сетях.

Тянем! В детстве вот так же светло,
Бывало, до судорог пальцы свело,

Но сладко в саду виноградную плеть
К земле пригибать, опрокидывать, млеть...

Словно включенная в электросеть
Дрожит и фосфоресцирует сеть.

Первой камбалы гервый блин
Шлепнулся и погрузился в сплин.

Красный краб, королевский краб
Шевелит свастикой сломанных лап.

Травы сминая ударом хвоста,
Льется рыба — горбуша, кета.

И вдруг в этом адском парном котле
Птица запела в молочной мгле.

Клубящийся хаос, рассвет, тишина.
Храбрая, что ты можешь одна?!

Но капля мелодии, первый кристалл —
И мир оформился и засверкал.

На рыбах, на глыбах мокрых камней
Горит заря океанских кровей.

И словно плоды в первобытной листве,
Тяжелые рыбы в тяжелой траве.

Камчатка! Клубятся вулканы вдали.
Вселенское утро. Начало земли.

КАМЧАТСКИЕ ГРЯЗЕВЫЕ ВАННЫ

Солнца азиатский диск,
Сопки-караваны.
Стой, машина! Смех и визг,
Грязевые ванны.

Пар горячий из болот
В небеса шибает.
Баба бабе спину трет,
Грязью грязь сшибает.

Лечат бабы ишиас,
Прогревают кости.
И начальству лишний раз
Промывают кости.

Я товарищу кричу:
— Надо искупаться!
В грязь горячую хочу
Брюхом закопаться!

А товарищ — грустный вид,
Даже просто мрачный:

— Слишком грязно,— говорит,
Морщит нос коньячный.

Ну, а я ему в ответ:
— С Гегелем согласен,
Если грязь — грязнее нет,
Значит, грязь прекрасна.

Бабы слушают: — Залазы!
Девки защекочут!
— Али князь?
— Из грязи князь!
— То-то в грязь не хочет!

Говорю ему: — Смурной,
Это ж камчадалки... —
А они ему: — Родной,
Можно без мочалки.

Я не знаю почему
В этой малакуче,
В этом адовом дыму
Дышится мне лучше.

Только тело погрузи
В бархатную мякоть...
Лучше грязь в самой грязи,
Чем на суше слякоть!

Чад, горячечный туман
Изгоняет хвори,
Да к тому же балаган,
Цирк и санаторий.

Помогает эта мазь,
Даже если нервный.
Вулканическая грязь,
Да и запах серный.

Принимай земной мазут
Жаркий, жирный, плотный.
После бомбой не убьют
Сероводородной!

А убьют — в аду опять,
Там, у черта в лапах,
Будет проще обонять
Этот серный запах.

Вон вулкан давно погас,
Дышит на пределе!
Так, дымится напоказ,
Ну, а грязь при деле.

Так дымится, напоказ,
Мол, большая дума,
А внутри давно погас,
Грязь течет из трюма.

Я не знаю почему
В этой малакуче,
В этом адовом дыму
Дышится мне лучше!

Вот внезапно поднялась
В тине или в глине,
Замурованная в грязь,
Дымная богиня.

Слышу, тихо говорит:
— В океане мой-то...
(Камчадальский колорит)
Скуцно мне цевой-то...

И откинута плечо
Гордо и прекрасно,
И опять мне горячо
И не безопасно.

Друг мой, столько передряг
Треплет, как мочало,
А поплещешься вот так —
Вроде полегчало.

КОМАНДОРСКОЕ ПИСЬМО

Кто стать не хочет лилипутом,
Однажды станет алеутом.

Живу на самой крайней точке,
Скучаю по тебе, по дочке.

Писать почаще заклинаю.
Песцов по острову гоняю.

Аукцион международный
Их тоже гонит (мех немодный).

Базары птичьи посещаю,
Цветные яйца поглощаю.

(Цветными яйцами пасхально
Несутся птицы здесь нахально.)

К земле простуженной приникши,
Ловлю губами капли шикши.

Сачком, как бабочек, в протоках
Гольцов хватаю крутобоких.

Ты спросишь: — Что островитяне?
И чем живут на океане?

Таскают репу с огородиков,
Солят грибы и шкурки котиков.

Край мелких ягод, крупной рыбы
И вечной ледовитой зыби.

И мужества! Здесь тень растений
Короче человеческой тени.

Здесь на обломке самолета
Ждем самолета и полета.

Так завещал нам Витус Беринг.
Вот чем прекрасен этот берег.

НА ЛЕЖБИЩЕ КОТИКОВ

Я видел мир в его первичной сути.
Из космоса, из допотопной мути,
Из прорвы вод на Командорский мыс
Чудовища, подтягивая туши,
Карабкались, вползали неуклюже,
Отряхивались, фыркали, скреблись.

Под мехом царственным подрагивало сало,
Струилось лежбище, лоснилось и мерцало.

Обрывистое, каменное ложе.
Вожак загадочным (но хрюкающим все же),
Тяжелым сфинксом замер на скале.
Он словно сторожил свое надгробье,
На океан взирая исподлобья
С гримасой самурая на челе.

Под мехом царственным подрагивало сало,
Струилось лежбище, лоснилось и мерцало.

Ворочая громадным, дряблым торсом,
Секач над самкой годовалой ерзал,

Сосредоточен, хладнокровен, нем,
И, раздражаясь затаившимся обрядом,
Пыхтел усач. Однако тусклым взглядом
Хозяйственно оглядывал гарем.

А молодняк в воде резвился рядом.
Тот, кувыркаясь, вылетал снарядом,
Тот, разогнавшись, тормозил ластом
И затихал, блаженно колыхаясь,
Ухмылкой слабоумной ухмыляясь,
Пошлепывая по спине хвостом.

Но обрывается затишье и дремота.
Они, должно быть, вспоминают что-то,
Зевота скуки расправляет пасть.
Как жвачка пережеванная, злоба
Ласты шевелит, разъедает небо,
И тварь встает, чтоб обозначить власть.

Соперники! Захлебываясь, воя,
Ластами шлепая, котиху делят двое,
Кричащую по камням волоча.
Один рванул! И черною лавиной
С еще недокричавшей половиной
К воде скатился и затих, урча.

Два секача друг друга пропороли!
Хрипя от похоти, от ярости, от боли,
Воинственным охваченные пылом,
В распоротых желудках рылись рылом,
Заляпав кровью жаркие меха!
Спешили из дымящейся лохани

Ужраться до смерти чужими потрохами,
Теряя собственные потроха...
И хоть бы что! Подрагивало сало,
Струилось лежбище, лоснилось и мерцало.

Здесь каждый одинок и равнодушен
Покамест сам внезапно не укушен,
Не сдвинут с места, не поддет клыком.
И каждый замкнут собственной особой,
На мир глядит с какой-то сонной злобой
Недвижным гипнотическим зрачком.

Здесь запах падали и аммиачно-серный
Извечный дух вселенской свинофермы,
Арктическая злоба и оскал.
Здесь солнце плоское, закатное, рябое,
Фонтаны крови над фонтанами прибоя
И сумрак и гряда безлюдных скал.

— Нет! — крикнул я.— Вовеки не приемлю
Гадючьим семенем отравленную землю,
Где мысли нет, там милосердия нет.
Ты видишь сам — нельзя без человека!
Приплюснута, как череп печенег,
Земля мертва, и страшен звездный свет.

А ночь текла, и млечная громада
Спиной млекопитающего гада
Отражена... И океанский вал,
Над гулом лежбища прокатываясь гулом,
Холодной пылью ударял по скулам
И, пламенем белея, умирал.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Превосходная должность быть
на земле человеком.

М. Горький

В окне звезда блесит
Для вящего примера.
Венера рядом спит,
Беременна Венера.

Блесит звезда з ночи,
Ворочаюсь в постели,
Нам говорят врачи:
«Осталось две недели».

Вот до чего, друзья,
Вас доведут соблазны.
И не признать нельзя:
Живот холмообразный.

Что надобно ему?
Склоняюсь легче пуха,
Как великан к холму
Прикладываю ухо.

Неуловимый вздрог.
Заговорил. Забулькал!
Качнулся поплавок,
Клюет, как барабулька!

Толчок. Еще толчок!
Работай на здоровье!
Зеленый островок,
Омытый теплой кровью.

Живое существо.
Толкается сердечко.
Но мельница его
На материнской речке.

Неосторожный плод
Наследственного гена
Сигналы подает
Из бочки Диогена.

Я несколько смущен
Вещанием из чрева.
О чем сигналил он,
Как бы с оттенком гнева?

Готовится побег?
Прикладываю ухо.
Там новый человек
Ворочается глухо.

Там космонавт живет!
Я от догадки замер,
Но женщины живот
Сложнее барокамер.

Он должен привыкать,—
Как ты мудра, природа.
Твое терпенье, мать,
Приспособленье рода.

Чтоб сохранить с душой
Нелегкое единство,
Он входит в мир большой
В скафандре материнства.

★ ★ ★

Легенда есть, что бог
Над пустотой поохал.
Потом земной чертог
Он за семь дней отгрохал.

Благоустроен мир
Пока еще не очень.
В чертоге много дыр
И дует, между прочим.

Течет земной чертог —
Всех дьяволов насмешка.
Теперь ты видишь, бог,
К чему приводит спешка?

Ты поднимаешь крик,
Моей души садовник.
При чем же я, старик?
Не я, а ты виновник.

Я сделал только то,
За что Адам отважный
Из рая без пальто
Зимой бежал однажды.

Но что сказал Адам,
Махнув на рай рукою?
Друзья, я не был там,
Но он сказал такое!..

Произошел скандал,
Но что сказал он все же?
— Черт с вами! — он сказал,—
Мне Евочка дороже.

Он закричал: — Швейцар,
Подайте мои крылья! —
В тот день икнул Икар
И дрогнула Бастилья.

* * *

Готовится побег?
Мне больше не до шуток.
Летящий человек,
Осталось сколько суток?

И мысли в полумгле
Приходят в лихорадке,
Что нету на Земле
Посадочной площадки.

Не слишком воздух наш
Для шуток приспособлен.
В нем звуков ералаш,
Он волнами раздроблен.

Они любых частот,
Измерены по Герцу.
В нем даже кислород,
Как кислота по сердцу,

Плеснет! И в тишине
Он сгустком крови в глотке.
Гускай судить не мне,
Мы на подводной лодке.

Гигантские грибы
Материю дырявят.
Все ртутные столбы
На наши плечи дают.

Твоей задачей век
Сегодня озадачен.
Ты — новый человек,
На кой ты черт иначе?

Тебе — не благодать
Фамильного наследства,
А право побеждать —
Единственное средство,

Чтоб человеком стать,
Самим собою то есть,
Тебе — не благодать,
А собственная совесть.

Она в тебе живет,
Ее росток зеленый
Как матери живот,
Почти незащищенный.

Тот маленький клочок
Пронзительной лазури —
Бессонный твой зрачок
В любой житейской буре.

Испытанный компас
В любой житейской схватке.
Тревожный детский глаз,
Что не играет в прятки.

Ты победишь свой век,
Сам к веку пригвожденный,
Но совесть, Человек,
Оставь непобежденной!

* * *

Страх смерти одолеть —
Достойная задача,
Чтобы свободным впредь
Жить, ничего не пряча.

Душа, как Гиндукуш,
Туманами повита.
Страх в лабиринтах душ
Как бивни сталактита.

Работорговца плетъ
С того и полосует...
Не бойтесь умереть,
И смерть сама спасует!

Так суеверье вер
В народе убывает,
Так звуковой барьер
Пилоты пробивают.

Так статуи богов,
Что вылепили предки,
До будущих веков
Дойдут как статуэтки.

Ты победишь свой век,
Сам к веку пригвожденный,
Но совесть, Человек,
Оставь непобежденной.

Перед любимым концом,
Не сломанный ветрами,
Стой, Человек, с лицом
Откинутым, как пламя!

* * *

И в этом твоя роль
Прекрасная... Но все же
Рождение мысли — боль.
Твое рождение — тоже.

Пока что не смогли
Мы обойтись без боли.
На пиршестве Земли
Без боли как без соли.

Врывайся в мир ершист,
Не как стрела из лука,
А как парашютист
Бросается из люка!

Ты: тем уже велик,
Что утром или в полночь
Услышав мамин крик,
Ты вырвешься на помощь.

Ты тело устремишь,
Горячее, живое...
Итак, вперед, малыш,
Вперед, вниз головою!

Вперед, малыш, вперед!
Прыжок твой исполинский
Так сладко оборвет
Крик боли материнской.

Ты оборвешь тот крик,
Переходящий в праздник,
Благословляю миг
И я, как соучастник.

Благословляю миг!
Да будет с этим мигом
Последней боли крик
Земли последним криком!

СОДЕРЖАНИЕ

- 1 «Здравствуй, крона вековая...»
- 5 Дети Черноморья.
- 7 Змей.
- 9 Баллада об украденном козле.
- 13 Баллада об охоте и зимнем винограде.
- 16 Черт и пастух.
- 20 Утро в Дубне.
- 22 Октябрь.
- 24 О матери.
- 26 В больнице.
- 28 Ночной берег.
- 30 Два знака.
- 32 Пиросман.
- 34 Ода апельсину.
- 36 Упряжка.
- 38 Детство.
- 40 Воспоминанье о школьном уроке.
- 42 Ночные курильщики.
- 44 Огонь, вода и медные трубы.
- 46 Библейская басня.
- 47 Завоеватели.
- 50 Раньше.
- 52 Телефоны.

- 55 Лифтерша.
- 57 Баллада высоты.
- 60 Тоска по дружбе.
- 62 «Сирень и молнии...».
- 63 Форели.
- 65 Молитва за Гретхен.
- 66 Любой ценой.
- 68 «Однажды девочка одна...»
- 69 «Когда летит на черноморские долины...»
- 70 Ночной пир на развалинах Диоскурии.
- 72 Свиданье.
- 74 «Как странно догадаться вдруг...»
- 75 Баллада о блаженном цветении.
- 78 Признание друга.
- 80 Ночной лов рыбы у берегов Камчатки.
- 83 Камчатские грязевые ванны.
- 87 Командорское письмо.
- 89 На лежбище котиков.
- 97 Ночь перед Рождеством.

фазиль искандер

ЛЕТНИЙ ЛЕС

М., «Советский писатель», 1969,
104 стр. Тем. план вып. 1968 г. № 161.
Художники А. И. Гольдман и
В. В. Локшин. Редактор Е. С. Ели-
сеев. Худож. редактор В. В. Мед-
ведев. Техн. редактор И. М. Мин-
ская. Корректор Н. П. Заборнова.
Сдано в набор 18/IV 1968 г. Подписано
к печати 22/V 1969 г. А 06814. Бумага
70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 3¹/₄ (4,55). Уч.-
изд. л. 2,76. Тираж 10 000 экз. За-
каз № 181. Цена 32 коп. Издательство
«Советский писатель», Москва К-9,
Б. Гнездииковский пер., 10. Тульская
типография Главполиграфпрома Ко-
митета по печати при Совете Минист-
ров СССР, г. Тула, проспект имени
В. И. Ленина, 109.